

Мысли по вопросу объ униі церквей ¹⁾.

Вотъ уже нѣсколько столѣтій обсуждается этотъ вопросъ!

Сколькими посланіями обмѣнялись папы и восточные патріархи съ цѣлью устранить эту язву и уничтожить пропасть, образовавшуюся между обѣими великими половинами христіанства! Сколько появилось, — въ теченіе среднихъ вѣковъ, — богословскихъ сочиненій, изслѣдовавшихъ тѣ догматическіе вопросы, которые составляютъ предметъ спора церквей восточно-православной и римско-католической! Сколько делегатовъ посылаемо было за море для пропаганды столь желанной униі! Сколько — увы! — вопросы эти вызвали войнъ, преслѣдованій, скандаловъ, которые лучше было бы, если-бы это было возможно, вычеркнуть изъ исторіи человѣчества и церкви! Въ бытность свою на Востокѣ латиняне, желая ввести унию, ложно ими понимаемую, должны были прибѣгнуть къ насилію; а преслѣдуя всѣми способами восточную церковь, они этимъ самымъ дѣлали почти невозможнымъ рѣшеніе вопроса объ униі.

Въ цѣляхъ униі созываемы были даже соборы, признаваемые, — по крайней мѣрѣ, со стороны латинянъ, — вселенскими. Сколько благородныхъ усилій приложено было для той-же цѣли особенно въ наши дни! И тѣмъ не менѣе, кажется, всѣ труды были напрасны и даже въ будущемъ мы не можемъ надѣяться на успѣхъ. Кажется, что трудъ надъ вопросомъ объ униі — трудъ безнадежный. И вотъ теперь появляется новый способъ изслѣдованія этого вопроса. Неужели можно сказать что либо новое, что не было бы ска-

¹⁾ Перевель съ французскаго свящ. Н. Н. С—въ.

зано въ теченіе вѣковъ со времени раздѣленія церквей? И не бесполезно ли повторять то, что столь безрезультатно говорилось за это время?

— Неблагопріятный результатъ попытокъ къ уніи въ теченіе девяти вѣковъ не предполагаетъ ли недостатка самаго желанія уніи, недостатка искренности съ той или другой стороны? Латиняне отвѣтятъ на это: „мы съ своей стороны всегда горячо желали уніи, но упрямые, слѣпые, гордые греки не желаютъ ея; какія бы снисходительныя условія ни предложить имъ, они все-таки откажутъ“. И тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что ни на той, ни на другой сторонѣ не найдется ни одного здраваго человѣка, который не сознавалъ бы важности и пользы дѣла примиренія церквей.

Всякій скажетъ: спасеніе христіанства зависитъ отъ уніи Востока съ Западомъ. Легче будетъ справиться съ доктринами протестантства и съ невѣріемъ въ средѣ христіанства; такъ какъ церковь католическая и вселенская будетъ имѣть больше авторитета, если обѣ половины ея будутъ въ согласіи между собою; еще легче будетъ христіанству одолѣть магометанство; наконецъ, христіанство, воспринявъ новыя силы, съ большимъ успѣхомъ будетъ распространять Евангеліе въ мірѣ языческомъ. И сколько пользы принесетъ общеніе религіозное между Востокомъ и Западомъ въ смыслѣ обогащенія идей и обновленія церковной жизни!

Всѣ желаютъ уніи пламенно и отъ всего сердца. Ни одинъ монархъ христіанскій не скажетъ: „я желаю, чтобы раздѣленіе между христіанами оставалось навсегда“. Ни одинъ патріархъ, ни одинъ епископъ, священникъ, монахъ восточной церкви, которому предложенъ былъ - бы этотъ вопросъ, не отвѣтитъ: „нѣтъ, я не хочу уніи и вижу въ раздѣленіи между христіанами явленіе нормальное“. Напротивъ, онъ скажетъ: „отъ всей души мы желаемъ осуществленія этого столь добраго дѣла; ежедневно на нашей литургіи мы молимъ Господа объ исполненіи этого нашего желанія“. То-же самое отвѣтятъ всѣ, и мужчины, и женщины, и образованные, и необразованные. И если-бы можно было опросить прошедшія поколѣнія, то и они высказались бы въ утвердительномъ смыслѣ. Императоры византійскіе, патріархи, священники, даже тѣ, которые признаются самими отъявленными врагами уніи, отвѣтятъ: „объединенное хри-

стіанство, такое, какимъ оно было въ древнія времена, — мечта нашей души“. Даже Маркъ Ефесскій, великій противникъ Флорентійскаго собора, ни въ какомъ случаѣ не признаетъ, что онъ былъ противникомъ уніи: напротивъ, онъ скажетъ: „я обращался съ горячимъ призывомъ къ моимъ противникамъ, но они не хотѣли меня слушать“. Вообще никто на свѣтѣ не посмѣетъ сказать, что онъ любитъ раздоры и желалъ-бы, чтобы врагъ сѣялъ смуту среди вѣрующихъ; чтобы думать такъ, нужно быть невѣрующимъ и имѣть дьявольскій характеръ.—Но если такъ, если обѣ стороны серьезно желаютъ примиренія и если тѣмъ не менѣе труды нѣсколькихъ столѣтій не привели ни къ какимъ значительнымъ результатамъ, то не остается ли предположить, что мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ, что одну и ту же вещь понимаютъ совершенно различно и потому достигнуть цѣли становится невозможнымъ. Если двое желаютъ одной и той-же вещи, разумѣя ее каждый по своему, то они могутъ цѣлыми вѣками вести переговоры и все-таки ничего не достигнуть.

* * *

Такъ случилось и съ вопросомъ объ уніи церквей. Чтобы имѣть право разсчитывать на осуществленіе когда-либо плана уніи, необходимо прежде всего опредѣлить, что такое унія и какъ она должна быть вводимая. Латинская церковь, привыкнущая всегда немножко командовать, хотѣла просто-на-просто навязать восточной церкви свое пониманіе уніи, не спрашивая о томъ, пріятно ли это ея сестрѣ. Она всегда держалась той точки зрѣнія, что она имѣетъ право законодательства. Кто не хочетъ признать уніи въ томъ видѣ, въ какомъ она предлагается,—противникъ самой уніи, такъ какъ онъ не хочетъ принять уніи въ томъ видѣ, въ какомъ она принята западной церковью на Флорентійскомъ соборѣ. Между тѣмъ онъ можетъ не имѣть ничего противъ уніи такой, какой хотѣла бы восточная церковь. Западная церковь всегда понимала унію въ смыслѣ полнаго подчиненія. Восточная церковь разсматривалась, какъ строптивая дочь церкви римской. Западу не чѣмъ было ни обмѣниваться съ нею, ни предпринимать чего-либо въ цѣляхъ уніи. Востокъ, напротивъ, долженъ былъ всецѣло подчиниться юрисдикціи

римскаго понтифекса и, между прочимъ, признать истину всѣхъ догматовъ, которые нагромоздило латинское богословіе позднѣйшихъ временъ. Только къ этой цѣли и направлены были всѣ дѣйствія Рима и Запада со времени раздѣленія. Посольства, посланія, богословскія сочиненія, соборы въ цѣляхъ уніи, политика и даже по временамъ насиліе, — все это служило указанной цѣли. Восточная церковь, напротивъ, всегда смотрѣла на унію съ другой точки зрѣнія; для нея унія—дружба, согласіе, братство, но не подчиненіе; двѣ вѣтви христіанства — это двѣ сестры, равныя въ правахъ и въ достоинствѣ; чтобы объединиться, пужко возвратиться къ пункту раздѣленія: обѣ великія половины христіанства должны вѣровать такъ, какъ онѣ вѣровали согласна до раздѣленія; ихъ взаимныя отношенія должны остаться тѣ же, что и прежде. Въ средневѣковыхъ латинскихъ доктринахъ и, между прочимъ, въ доктринахъ, догматизированныхъ въ XIX столѣтіи, она видитъ отступленіе. По ея мнѣнію, допустивъ новшества, какъ напр., исхожденіе Св. Духа отъ Сына, а не только отъ Отца, существованіе чистилища, главенство римскаго понтифекса и т. под., западная церковь нарушила древнее основное ученіе христіанства; ей пужно освободиться отъ этихъ доктринъ, которыя препятствуютъ уніи и братскому согласію; какъ только ею принесена будетъ эта жертва, согласіе будетъ возстановлено.

Съ одной стороны говорятъ: гордые греки, не желающіе преклонить свою выю предъ римскимъ понтифексомъ, задерживаютъ унію. Съ другой стороны: гордые папы, желающіе властвовать надъ вселенной и даже надъ догматами, требующіе, чтобы всѣ преклонялись предъ ними, дѣлаютъ унію невозможной. Такъ какъ обѣ стороны преслѣдуютъ совершенно личные идеалы, то уніи никогда не можетъ быть.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что восточная церковь почти всегда отказывалась принять римское пониманіе уніи, казавшееся ей недоступнымъ, и, несомнѣнно, и въ будущемъ никогда не приметъ. Лишь подъ влияніемъ тяжелыхъ политическихъ условій она иногда обнаруживала тенденцію къ признанію той системы, которую предлагаетъ Римъ и которая казалась ей ненавистной. По политическимъ мотивамъ византійскіе императоры предлагали подобную унію съ Римомъ. Крайне тяжелыя политическія условія заставили на

нѣкоторое время въ Лионѣ и Флоренціи принять эту западную систему, въ Лионѣ, чтобы освободиться отъ латинскихъ претендентовъ, угрожавшихъ византійскому престолу, во Флоренціи, чтобы спасти Константинополь отъ турокъ. Нѣкоторые восточные христіане, какъ, напр., русины, окончательно приняли желательную для Рима систему; но несомнѣнно, что восточная церковь въ цѣломъ всегда откажется отъ нея и съ своей точки зрѣнія не можетъ не отказаться. Вотъ почему восточная церковь, повидимому, желаетъ болѣе уніи съ западными старо-католиками, или съ англичанами, чѣмъ съ римскою церковью: она хорошо знаетъ и чувствуетъ, что эти общества не будутъ навязывать ей своего авторитета, что они считаютъ себя сестрами по отношенію къ ней и притомъ младшими, что они смотрятъ на нее, какъ на болѣе достойную и болѣе древнюю, чѣмъ они, тогда какъ Римъ ставитъ невозможную альтернативу: или подчиниться, или уніи не бывать. Если хотятъ разсуждать объ уніи, то нужно прежде всего условиться, что понимать подъ словомъ „унія“. Кто пишетъ по этому вопросу, тотъ долженъ быть искреннимъ, не пользоваться двусмысленными терминами, не обманывать другую сторону. Было бы неискренно,—какъ это часто дѣлали,—представлять унію въ видѣ братскаго согласія, а въ душѣ скрывать желаніе видѣть другую сторону подчиненной, какъ бы противника, побѣжденнаго въ сраженіи. Нельзя ставить западную изъ красивыхъ словъ, нужно представить идею такъ, какъ она есть. Правильный взглядъ не находится ли въ срединѣ между обоими пониманіями, такъ что можно заимствовать кой-что изъ того и другого? Я не разумѣю подъ словомъ „унія“ полного подчиненія, ибо это противорѣчитъ самому названію. Даже на Западѣ не совсѣмъ утрачена идея, что примиреніе церквей можетъ быть понимаемо и не только въ смыслѣ обращенія извѣстныхъ еретиковъ. Вотъ почему и употребляли имя „унія“, которое было бы бессмыслицей, если-бы дѣло шло о простомъ подчиненіи. Въ дѣйствительности же именно только этого подчиненія и искали. Разница между обращеніемъ еретиковъ и тою уніею, какая практиковалась въ теченіе вѣковъ, только въ томъ, что восточнымъ уніатамъ предоставляютъ ихъ обрядъ и нѣкоторые пункты восточной дисциплины, и то въ видѣ особой

милости. Исключительно въ этомъ смыслѣ Римъ понимаетъ унию и въ настоящее время. Прежде всего, ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать унию въ смыслѣ подчиненія восточной церкви подъ иго церкви латинской, что недавно совершенно справедливо отмѣтилъ отецъ Николай Франко въ своемъ сочиненіи (на итал. яз.) по вопросу объ униі. Эти двѣ вѣтви христіанства суть сестры, равныя во всѣхъ отношеніяхъ. У церкви западной, какъ таковой, не существуетъ никакихъ привиллегій, никакого права законодательства. Напротивъ, народы Востока значительно древнѣй, чѣмъ современные народы Запада. Епископы Востока имѣютъ то же достоинство, что и епископы Запада. Можно говорить лишь о подчиненіи римскому епископу,—если предположить, что онъ имѣетъ права надъ вселенской церковью,—но не объ уничиженіи предъ церковью Западной. Однако трудность состоитъ въ томъ, что восточные видятъ въ римскомъ папствѣ учрежденіе латинское, а не католическое и вселенское. Для нихъ быть подчиненнымъ папѣ и быть подчиненнымъ латинской церкви,—то же самое. Нужно строго различать между положеніемъ папы, какъ главы собственно латинской церкви, и положеніемъ его по отношенію къ церкви вселенской. Но обыкновенно эти двѣ вещи смѣшиваютъ и никто не старается ясно различать ихъ. Даже по отношенію къ папѣ нельзя говорить о „подчиненіи“ ему церкви восточной въ собственномъ смыслѣ. Забываютъ исторію и не знаютъ того, что было раньше. Вотъ почему хотятъ создать для церкви восточной положеніе, какого она никогда не занимала. Нынѣшнее устройство церкви во многомъ отличается отъ прежняго. Господь нашъ даровалъ привиллегіи св. Петру. Между тѣмъ мы не найдемъ и слѣда подчиненія ему св. Павла. Напротивъ, послѣдній считаетъ себя братомъ, совершенно равнымъ Петру, и даже похваляется тѣмъ, что порицалъ его. Притомъ католическая церковь въ теченіе вѣковъ въ дѣйствительности не была монархіей. Каждый епископъ свободно управлялъ своимъ діоцезомъ; епископъ римскій, тѣмъ не менѣе, владѣлъ совершенно особеннымъ правомъ заниматься дѣлами вселенской церкви и пользовался очень большимъ вліяніемъ. Но вліяніе это было всегда сильнѣе на Западѣ, гдѣ онъ былъ патриархомъ, чѣмъ на Востокѣ. Его юрисдикція не простиралась непосред-

ственно на восточные діоцезы, но онъ вліялъ на нихъ посредственно, занимаясь дѣлами церкви вселенской.

*
*
*

Съ девятаго вѣка преимущественно устройство церкви на Западѣ совершенно измѣняется. Церковь становится абсолютной монархіей и уподобляется государству, раздѣленному на провинціи. Римскій епископъ дѣлается непосредственнымъ главой всѣхъ епископовъ. Всѣ церковныя дѣла должны рѣшаться въ Римѣ. Законы, издаваемые тамъ, становятся нормами для всѣхъ церквей. Эта система отчасти ведетъ свое начало отъ лже-исидоровскихъ декреталій, появившихся въ ту эпоху. Она, безъ сомнѣнія, хороша и полезна на Западѣ,—поддерживая тамъ согласіе и единство обычаевъ. Но уже съ самаго начала явилось желаніе навязать ее восточной церкви, и это была, несомнѣнно, одною изъ главнѣйшихъ причинъ, вызвавшихъ раздѣленіе.

По временамъ церковь Константинопольская уступала требованіямъ Рима и, повидимому, подчинялась этой новой системѣ, но всегда противъ своего желанія. А также и самый способъ осуществленія своихъ цѣлей со стороны Рима всегда препятствовалъ униі. Теперь на Западѣ уже такъ свыклись съ этой системой, практикуемой болѣе тысячи лѣтъ, что и не представляютъ себѣ, чтобы Церковь могла существовать безъ нея, и даже забыли, что условія прежде были другія. Когда говорятъ о первыхъ вѣкахъ христіанства, всегда представляютъ себѣ церковное устройство въ томъ же видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь. И вводя унию, всегда хотятъ соединить ее съ той монархической системой, которая существуетъ въ настоящее время.

Если, съ одной стороны, восточнымъ оставляютъ ихъ обычаи, то все-таки ихъ совершенно подчиняютъ юрисдикціи папы и даже римской конгрегациі. Они должны признавать многіе исключительно латинскіе законы и все латинское богословіе во всѣхъ пунктахъ. Въ дѣйствительности, они—тѣ же латиняне, только въ восточной одеждѣ (а иногда и этого различія нѣтъ) и съ восточными молитвами, по не настоящіе представители истинной восточной церкви. Они представляютъ собою живое противорѣчіе всей церковной исторіи древности и Востока.

Далеко не способствуя развитію вопроса объ униі въ обшемъ, фактъ существованія этихъ униатовъ скорѣе препятствуютъ ей. Ибо восточные, ознакомившись съ ихъ положеніемъ, могутъ подумать: вотъ что насъ ожидаетъ, если мы примемъ унию съ Римомъ; мы перестанемъ быть восточными и сдѣлаемся латинянами. Достоинство нашей церкви будетъ уничтожено; она будетъ служанкой, вмѣсто того чтобы быть царицей. Положеніе, въ которое ставятъ восточныхъ униатовъ, вредно отражается и на ихъ отношенія къ другимъ католикамъ, которые смотрятъ на нихъ, какъ на что среднее между католиками и не католиками.

Я говорю это не потому, что я не люблю этихъ униатовъ. Напротивъ, я очень интересуюсь ихъ участіемъ и работаю въ ихъ пользу. Но я вотъ что хотѣлъ сказать: было-бы желательно, чтобы они были присоединены способомъ болѣе совершеннымъ и болѣе соответствующимъ достоинству восточной Церкви.

* * *

Тѣхъ униатовъ, которыхъ мы теперь имѣемъ, намъ, конечно, слѣдуетъ удержатъ. Но чтобы привлечь къ себѣ дѣйствительно церковь восточную, надо слѣдовать другой системѣ, чѣмъ какой слѣдовали до сихъ поръ. Церковь восточная должна поистиннѣ оставаться такою, какова она есть; она не должна мѣнять своего характера. Слово „униа“ означаетъ не то, что одна сторона должна совершенно измѣниться, чтобы уподобиться другой; но то, что обѣ стороны остаются безъ перемѣны и лишь устанавливаютъ взаимныя отношенія. Взглядъ на восточную церковь, какъ на часть, провинцію церкви римской, отдѣлившуюся отъ нея, несправедливъ и противорѣчитъ всей исторіи. Такъ можно говорить о западныхъ протестантахъ, которые когда-то составляли часть латинской церкви, но ни въ какомъ случаѣ не о восточныхъ. Церковь восточная должна оставаться абсолютно независимою и управляться сама по себѣ, какъ это было съ начала христіанства. Отношенія ея къ Риму должны быть такими, какими они были въ древности до раздѣленія. Восточная церковь не замедлитъ, конечно, признать за римскимъ понтифексомъ тѣ права, которые ему были приущи въ то время; она признаетъ его рѣшенія въ тѣхъ

великихъ вопросахъ, которые касаются всего христіанства. Черезъ это будетъ сохранено главенство папы и въ то-же время унія будетъ существовать въ дѣйствительности, а не по имени только. Если Римъ когда-либо рѣшится признать эту мысль, унія будетъ возможна; а пока стараются подчинить восточныхъ нынѣ дѣйствующей церковной системѣ, всѣ попытки къ уніи будутъ напрасны. Нужно принести жертву, нужно отказаться отъ нѣкоторыхъ традицій, существующихъ нѣсколько вѣковъ. Но развѣ для такого великаго дѣла, какъ примиреніе церквей, не стоитъ рѣшиться на всякую жертву? Какая честь воздана будетъ папству, если оно въ одинъ прекрасный день совершитъ этотъ актъ отреченія и жертвы на общее благо и на пользу христіанства!

Тогда на Востокѣ вновь явится увѣренность въ безкорыстїи Рима и въ искренности его желанія уніи. До сихъ поръ было убѣжденіе, что все дѣлается не по истинно-христіанскимъ мотивамъ, а по честолюбію и властолюбію. Разъ Римъ подчиняетъ восточныхъ своему настоящему режиму, онъ извлекаетъ изъ этого себѣ пользу. Его власть усиливается, ибо онъ является владыкою міра; его престижъ возвышается, къ нему стекается масса денегъ путемъ воззваній, просьбъ, индულгенцій и пр. Всегда можно будетъ сказать, что онъ, заботясь объ уніи, дѣйствуетъ изъ эгоистическихъ цѣлей. Если восточнымъ епископамъ нужно будетъ получить отъ Рима признаніе своихъ правъ и при этомъ придется платить за отвѣтствующую буллу тысячи франковъ, какъ это дѣлается на Западѣ,—то напрасно будутъ ихъ увѣрять, что перемѣна въ ихъ положеніи была нужна для спасенія душъ. Если же, напротивъ, Римъ рѣшится возстановить свои прежнія отношенія къ Востоку, онъ не получитъ ни копейки, онъ не будетъ признаваться владыкой этихъ странъ, но зато онъ достигаетъ высокаго престижа, настоящаго и безцѣннаго. Никто не въ состояніи будетъ заподозрить его намѣреній; будетъ ясно, какъ Божій день, что онъ ищетъ только Божьяго дѣла и спасенія душъ.

* * *

Остается рассмотреть самую трудную сторону вопроса объ уніи, касающуюся догматическихъ разностей между церквями, существующихъ уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Какъ разрѣшить эту поистиннѣ очень трудную проблему? Возможна-ли унія, пока существуетъ разница въ догматахъ? Не является-ли неизбѣжнымъ условіемъ уніи отреченіе латинской церкви отъ догматовъ, которые были раскрыты и рѣшены позднѣе и которыхъ не знала христіанская древность,—или принятіе восточною церковью—всѣхъ этихъ рѣшеній Запада? Истинная унія и дружба между церквами возможна-ли, если нѣтъ согласія въ вещахъ божественныхъ? Конечно, нѣтъ. Церковное единство предполагаетъ одновременно и единство вѣры. Но можно ли рассчитывать, что одна изъ церквей откажется отъ своей точки зрѣнія? Восточная церковь, конечно, никогда не сдѣлаетъ этого. Она сохранила въ неприкосновенности всѣ догматы, признаваемые всѣми членами древней католической церкви. Рѣшеній, постановленныхъ западною церковью помимо ея участія, она такъ легко не приметъ; ибо то, что она подписала во Флоренціи, она подписала противъ своего желанія: ее принудили къ тому обстоятельству. Какъ можно надѣяться на то, чтобы восточная церковь признала исхожденіе Св. Духа отъ Сына, когда она слѣдуетъ буквально тексту Евангелія, ученію Отцовъ церкви, Константинопольскаго вселенскаго собора, общепризнанному символу вѣры, и вездѣ говорится только объ исхожденіи отъ Отца? Тоже самое можно сказать и о другихъ пунктахъ, которые насъ раздѣляютъ. Съ другой стороны, можетъ-ли латинская церковь отказаться отъ постановленій позднѣйшихъ временъ объ исхожденіи Св. Духа, о чистилищѣ и проч.? Едва-ли, ибо она всегда скажетъ, что это—ничто иное, какъ только раскрытіе и болѣе точное опредѣленіе древняго ученія; но въ такомъ случаѣ справедливо-ли было съ ея стороны навязывать эти постановленія своей восточной сестрѣ, какъ это сдѣлано ею въ Лионѣ и Флоренціи? Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ; ибо черезъ то лишь поощряютъ лицемѣріе, проповѣдуютъ людямъ вещи, которыя имъ кажутся ложными. Но что-же остается дѣлать? Можетъ быть, положеніе безнадежное? Цѣлыми вѣками спорили объ этихъ догматическихъ пунктахъ и вопросъ ни на шагъ не подвинулся впередъ. Точки зрѣнія обѣихъ церквей кажутся вполне основательными; ни ту, ни другую нельзя упрекнуть въ ереси. Что еще остается для достиженія согласія?

Нужно съумѣть доказать, что между церквами, по крайней мѣрѣ, во многихъ пунктахъ, нѣтъ собственно различія въ вѣрѣ, а только въ богословскихъ формулахъ.

Тогда унія сразу станетъ возможна, и обѣ церкви получать возможность, каждая по своему, учить и исповѣдывать истину, не навязывая другой—своей богословской системы. Западная церковь должна доказать восточной, что ея постановленія суть лишь своего рода выводы изъ предпосылокъ, извѣстныхъ въ христіанской древности. Восточная церковь признаетъ эту точку зрѣнія правильной и законной, не чувствуя себя однако обязанной самой проповѣдывать всѣ эти догматы, и христіане будутъ жить мирно, одинъ возлѣ другого, не порицая другъ друга взаимно. Еретики, проповѣдающіе ложныя ученія, не могутъ быть терпимы въ церковномъ общеніи. Но почему не могутъ оставаться въ церкви люди, которые не допускаютъ никакого заблужденія, но въ то-же время не исповѣдуютъ всего того, чему учить современная западная церковь? Святые первыхъ вѣковъ, безъ сомнѣнія, были членами католической церкви и притомъ лучшимъ украшеніемъ ея и въ то же время они не исповѣдывали, что Св. Духъ исходитъ отъ Сына, что существуетъ чистилище, что зачатіе Св. Дѣвы было безъ грѣха и т. д. Но вотъ восточная церковь находится все еще въ томъ-же положеніи. Она не принимала участія въ раскрытіи догматовъ, которымъ занимался Западъ, оно чуждо ей; она не можетъ признать его. Оставьте же ее въ томъ положеніи, какое занимали святые первыхъ вѣковъ; позвольте ей спастись, исповѣдуя то, что исповѣдывали мученики, учителя церкви! Эти богословскія разномыслія не должны мѣшать уніи.

Скажу болѣе: рѣчь идетъ не о возстановленіи или созданіи новой, прежде не существовавшей, уніи, но лишь объ оживленіи уніи, которая всегда существовала. Востокъ и Западъ никогда не расходились окончательно; были лишь недовѣрчивыя, враждебныя, холодныя отношенія, достойныя сожалѣнія; но связь должна сдѣлаться крѣпче, отношенія должны быть не только внутреннія, но и видимыя, внѣшнія. Тогда будетъ единство въ вѣрѣ и въ то же время разныя мнѣнія въ нѣкоторыхъ пунктахъ, которые признавались бы для нѣкоторыхъ, такъ сказать, *implicite*, для другихъ *expli-*

ше. Если бы впоследствии созванъ былъ отъ лица всего христіанства свободный вселенскій соборъ, на которомъ и восточные, безъ всякаго моральнаго давленія, вполне убѣдились бы въ истинѣ западныхъ ученій и приняли бы ихъ формально, тогда соборъ могъ бы также проповѣдывать эти истины *explicitè* и обнародовать ихъ, что было бы наиболѣе счастливымъ рѣшеніемъ вопроса.—Вотъ въ какомъ смыслѣ я понимаю слово „унія“; она не должна быть насиліемъ совѣсти, но абсолютно свободной во всѣхъ отношеніяхъ. Когда я говорю и пишу объ уніи, я хочу, чтобы ее понимали именно въ этомъ смыслѣ; я не хочу обманывать ни латинянъ, ни восточныхъ. Можетъ быть, этотъ взглядъ мой противорѣчитъ многому тому, что я раньше самъ писалъ или говорилъ; но чѣмъ болѣе изучаешь этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе мѣняешь свое мнѣніе.

Слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько словъ о средствахъ осуществленія этой уніи между церквами, внѣшней и видимой. Средства эти, по моему, очень просты; это два весьма древнихъ оружія, извѣстныя всему міру и тѣмъ не менѣе довольно рѣдко употребляемыя; ими должно пользоваться при всякомъ религіозномъ дѣлѣ, и называются они: истина и любовь. Всѣ восхваляютъ истину, искренность, и тѣмъ не менѣе такъ рѣдко пользуются ею; нужно знать истину и выдавать ее за такую, какая она есть. Не слѣдуетъ ее бояться; она всегда царственна и прекрасна, даже тогда, когда она, по временамъ, пугаетъ. Недостатокъ въ познаніи истины всегда дастъ себя знать.

Что касается восточныхъ вопросовъ, то на Западѣ нѣтъ почти никого, кто былъ-бы съ ними знакомъ. Чтобы понять ихъ, нужно выслушать не только сужденія однихъ, но и другихъ; чтобы помочь дѣлу уніи съ Востокомъ, нужно знать духъ Востока, доводы восточныхъ богослововъ, желанія восточной церкви. Между тѣмъ, что дѣлаютъ въ дѣйствительности? Сидятъ у себя дома, развиваютъ свои собственные идеи, не хотятъ знать аргументаціи противной стороны и тѣмъ не менѣе желаютъ судить объ ихъ дѣлахъ сообразно съ собственными взглядами. Въ результатъ получается сужденіе близорукое и часто неправильное. Прежде

всего нужно знать истину относительно начала несчастнаго раздѣленія церквей. Отыскиваютъ только ошибки со стороны восточныхъ, но не желаютъ видѣть цѣлой длинной цѣпи ошибокъ и заблужденій, допущенныхъ Западомъ. Охотно видятъ ошибки Фотія, но не изучаютъ писемъ папы Николая I-го, его противника, которыя показываютъ намъ, что этотъ понтифексъ съ его надменностью, гордостью, желаніемъ властвовать надъ церковью Константинопольской, сдѣлать ее частью Римской,—почти такъ-же отвѣтственъ въ дѣлѣ раздѣленія, какъ и Фотій. Справедливо обвиняютъ Михаила Керуларія, но не комментируютъ писемъ папы Льва IX-го, его противника, полныхъ ругательствъ, написанныхъ съ цѣлью возбужденія умовъ. Обыкновенно не упоминаютъ о грубости и дерзости его легата, кардинала Гумберта, который, конечно, не способствовалъ улучшенію дѣла. Если я самъ не возбуждалъ этихъ вопросовъ въ моихъ трудахъ о Востокъ, то это потому, что я тогда не изучалъ специально папскихъ писемъ.

Много говорятъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Западомъ Востоку; и не думаютъ о томъ, что вся политика, всѣ стремленія западныхъ народовъ и даже папства, всегда, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена, были направлены противъ Востока. Забываютъ что, короновавъ Карла Великаго, пытались лишить Византію трона, оспаривали даже у ея императоровъ старинный титулъ „римскихъ императоровъ“, вели противъ императоровъ войну, отняли у нихъ законныя владѣнія въ Италіи, ссылаясь на лже-Константиновскій даръ. Забываютъ, что такъ называемые крестоносцы ниспровергли восточную имперію, поработили Грецію, угнетали ее и сдѣлали рабыней на цѣлые вѣка. Забываютъ, что, по приказанію самого папы Иннокентія III, безъ всякаго стѣсненія завладѣли греческими церковными имуществами; закрывали греческія церкви и превращали ихъ въ латинскіе храмы; изгоняли со своихъ мѣстъ епископовъ, даже престарѣлыхъ.

*
*
*

Знаніе истины особенно необходимо по отношенію къ догматическимъ разномысліямъ. Если хотятъ добиться согласія на этой почвѣ, то нужно прежде всего знать положеніе вещей. Но вотъ этого-то именно всегда и не хватало. Много

писали по этимъ вопросамъ, по крайней мѣрѣ, объ исхожденіи Св. Духа и объ употребленіи опрѣсноковъ, каждый вопросъ относили въ среднія вѣка къ области христіанскаго ученія, а не исключительно къ церковной дисциплинѣ. И все-таки не хватало знакомства со взглядами противниковъ и съ дѣйствительными трудностями. Каждый разсматривалъ вопросъ снова съ своей точки зрѣнія, по своему доказывалъ, и примиренія двухъ мнѣній по прежнему не могло быть.

На Флорентійскомъ соборѣ обсуждались всѣ разности, но отчасти довольно поверхностно. Не знали ни исторіи церкви, ни Отцовъ церкви. Латиняне приводили ложные аргументы съ цѣлью доказать грекамъ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына. Ссылались на слова якобы VII вселенскаго собора, который будто бы училъ объ этомъ, но текстъ былъ подложный. Цитировали и подложныя мѣста Отцовъ церкви, другія мѣста толковали поверхностно, сообразно съ латинскимъ ученіемъ. Во всемъ этомъ, конечно, не было злого умысла. Вѣроятно, искренно вѣрили, что подложные тексты были подлинныя, и ни греки, ни латиняне не имѣли въ то время ни достаточно критическаго умѣнья, ни историческаго чутья, чтобы различать апокрифическіе тексты отъ подлинныхъ. А масса мнимыхъ текстовъ изъ патристической литературы, доказывающихъ исхожденіе отъ Сына, такъ импонировала нѣкоторымъ грекамъ, что, казалось, имъ печего было возразить, и вотъ почему они приняли латинское ученіе, вѣря, что оно, какъ таковое, принималось еще древними Отцами. Такъ почти шло и до нашихъ дней. Никогда почти это ученіе и тѣ трудности, которыя связаны съ нимъ, не были достаточно раскрыты.

Тоже и съ главенствомъ папы. Незначительные аргументы изъ древне-христіанской исторіи и литературы, доказывающіе нѣкоторый авторитетъ римскаго епископа, приводятъ въ доказательство самого догмата главенства, какимъ онъ проповѣдуется въ настоящее время. Никогда достаточно не различаютъ и даже отождествляютъ безъ всякаго стѣсненія тексты, въ которыхъ нѣтъ ничего догматическаго, съ самимъ догматомъ. Такимъ образомъ облегчаютъ себѣ задачу, но не разрѣшаютъ всѣхъ трудностей, которыхъ и не замѣтили. Но вѣдь большая разница между властью, существующею въ дѣйствительности, и ученіемъ, проповѣдуемымъ,

какъ установленное непосредственно Самимъ Богомъ, какъ необходимое основаніе церкви. И тѣмъ не менѣ эти двѣ вещи полемикой совершенно отождествляются. И каждый Отецъ церкви, который употребляетъ по отношенію къ римскому епископу какой-либо почетный титулъ, цитируется въ качествѣ свидѣтеля догмата папскаго главенства.

Тотъ же способъ доказательства прилагается и въ отношеніи вопроса о чистилищѣ. Два вопроса,—о дѣйствительности молитвъ за умершихъ и о существованіи чистилища,—признаются совершенно тождественными. Но это не вѣрно. Не всякій, молящійся за умершихъ, уже въ силу одного этого признаетъ идею чистилища.

Вопроса о пресуществленіи Даровъ на литургіи никогда, кажется, не изслѣдовали серьезно на Западѣ. Основывались попросту на римской литургіи, въ которой нѣтъ словъ призванія Св. Духа. Не зная ни литургіи, ни ученія восточнаго, утверждали, что таинство совершается исключительно чрезъ произнесеніе словъ Спасителя. Но пикто никогда не сдѣлалъ попытки объяснить всеобщее распространеніе на Востокъ и въ древности словъ призванія изъ ученія, видящаго въ этихъ словахъ главную часть освященія. Св. Кирилла Іерусалимскаго, великаго литургиста древности, нельзя, конечно, считать свидѣтелемъ маловажнымъ, величиною незначительною, а съ нимъ согласно учатъ и другіе знаменитые Отцы церкви восточной. Тѣмъ не менѣ ни съ чѣмъ не желали считаться и еще до сихъ поръ заставляютъ восточныхъ уніатовъ признавать, что освященіе Даровъ совершается исключительно чрезъ слова Спасителя. Но тогда торжественный обрядъ призванія Св. Духа становится излишнею церемоніей; и если церемонія, составляющая кульминаціонный пунктъ литургіи, признается лишеною смысла, то этимъ наносится смертельный ударъ литургіи восточной. Но въ такомъ случаѣ восточный становится латиняниномъ. Онъ освящаетъ Дары по обычаямъ и ученію не своей церкви, а церкви римской, хотя и удерживаетъ текстъ призванія. И все это совершается, не смотря на то, что латинское ученіе никогда не было опредѣлено или возведено въ догматъ даже на Западѣ. Между тѣмъ такъ легко было бы примирить оба ученія. Достаточно признать, что таинство совершается чрезъ слова нашего Господа, такъ какъ они должны

соотвѣтствовать истинѣ; но эти слова производятъ свое дѣйствіе вслѣдствіе освященія Церковью и по причинѣ ея намѣренія (*intentio*). А такъ какъ въ римской литургіи освященіе состоитъ единственно изъ словъ Спасителя, то эти именно слова и должны производить свое дѣйствіе непосредственно, при произнесеніи ихъ. Напротивъ, въ восточной церкви, сообразно съ ея *intentiones*, призываніе Св. Духа, слѣдующее за словами Господа, составляетъ главную часть освященія и заключеніе его, и изъ этого слѣдуетъ, что на Востокъ слова эти производятъ свое дѣйствіе чрезъ призываніе и что Господь нашъ присутствуетъ (въ Дарахъ), только когда призываніе окончено.

Если не хотятъ признать возможности такого соглашенія, то выходитъ, что нѣкоторые величайшіе учителя Церкви находились въ заблужденіи и что сама церковь въ разныхъ мѣстностяхъ заблуждалась и притомъ заблуждалась относительно самаго священнаго таинства. Кто же рѣшится допустить столь досадную и опасную по послѣдствіямъ альтернативу.

Въ томъ же редѣ и исторія таинства миропомазанія. Со времени Фотія западные стали признавать миропомазаніе восточныхъ, совершаемое простыми священниками, недѣйствительнымъ. Теперь, предполагая, что восточные униатскіе священники имѣютъ отъ Св. Престола полномочіе совершать таинство миропомазанія, признаютъ его дѣйствительнымъ. Но такого взгляда не могли-бы держаться, если-бы знали исторію. Предоставленіе права совершать миропомазаніе только епископу,—обычай латинскій и притомъ позднѣйшаго времени. Въ началѣ все христіанство, какъ теперь еще весь Востокъ, соединяло миропомазаніе съ крещеніемъ. Совершителъ крещенія совершалъ и миропомазаніе,—все равно, епископъ или священникъ. Позднѣе, когда крещеніе дѣтей становится правиломъ,—по обычаю латинскому на Западѣ два обряда отдѣляются одинъ отъ другого, причемъ миропомазаніе пріурочивается къ возрасту болѣе зрѣлому. Тогда распредѣлили два обряда между двумя священнослужителями, которые прежде,—то одинъ, то другой,—совершали крещеніе. Крещеніе передали священникамъ, а миропомазаніе епископамъ. Какъ же можно, въ виду этихъ обстоятельствъ сомнѣваться въ дѣйствительности миропомазанія, совершаемаго священниками?

Слѣдуетъ служить истинѣ истинною, серьезнымъ изслѣдованіемъ вещей, и не прибѣгать къ поверхностной и неискренней апологетикѣ, которая скрываетъ трудности и представляетъ обстоятельства въ другомъ свѣтѣ. Стараться ускользнуть отъ истины—политика близорукая и ведущая къ дурнымъ послѣдствіямъ. Скрывая трудности, обманываютъ самихъ себя. Тогда вѣра не можетъ быть надежна и крѣпка. Тѣмъ сильнѣе бываетъ смущеніе и разочарованіе, когда узнаешь истину, къ которой не подготовленъ. Такимъ способомъ никого не обратишь, а если и обратишь, то не на долго. У обращеннаго явится тѣмъ болѣе недовѣріе къ нашему дѣлу, если оно представится ему опирающимся на аргументы мало надежные или ложные. Если такими аргументами и можно убѣдить его на нѣкоторое время, то впоследствии онъ пойметъ ихъ недостатокъ, и послѣдствія будутъ еще непріятнѣй. Но, конечно, и мы должны требовать отъ восточныхъ той же любви къ истинѣ, той же искренности въ отношеніи догматовъ; и они не должны изъ-за одного упрямства отказываться признать истину того или другого ученія и закрывать глаза на правдивыя и надежныя доказательства. Если мы должны признать, на примѣръ, для Востока законность призванія Св. Духа на литургіи, то и восточный, изучающій латинскую патрологію, долженъ будетъ признать, съ своей стороны, что латинское ученіе объ освященіи Даровъ болѣе древнее и что нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ дѣйствительности освященія, совершаемаго безъ призванія.

*
*
*

Та-же любовь къ истинѣ поможетъ намъ, наконецъ, ознакомиться съ условіями жизни, взглядами, характеромъ другой стороны, съ которой мы желаемъ имѣть дѣло. Это—наиболѣе трудная часть задачи. Западъ не знаетъ Востока, и Востокъ не знаетъ Запада, и потому именно сближеніе между ними такъ трудно. Изучая исторію, можно видѣть, что Западъ всегда добивался вліянія на Востокъ, не зная его; духъ его былъ для него чуждъ. Онъ никогда не зналъ, что любилъ Востокъ, чего онъ боялся и избѣгалъ. Это особенно замѣтно по папскимъ письмамъ всѣхъ временъ; конечно, они писались съ самыми лучшими намѣреніями; но

Римъ не зналъ никогда Востока и, къ сожалѣнiю, часто допускалъ по отношенiю къ нему вещи неподходящiя. Но если, съ одной стороны, хотѣли урегулировать дѣла Востока, а съ другой, не знали положенiе дѣлъ, то это со временемъ должно было создать положенiе невыносимое, и раздѣленiе должно было рано или поздно послѣдовать. И до сихъ поръ мы отказываемся ознакомиться съ законными жалобами и пожеланiями восточныхъ. Они сами жалуются на это и думаютъ, что мы хвастаемся тѣмъ, что игнорируемъ ихъ упреки и жалобы противъ насъ. Не выходя изъ дому, читая только свои книги, рассматривая вопросъ исключительно съ своей точки зрѣнiя, мы тѣмъ не менѣе выражаемъ удивленiе, которое восточнымъ кажется наивнымъ:—почему эти упрямцы отказываются отъ предлагаемой имъ Римомъ уни, тогда какъ Римъ дѣлаетъ имъ столько комплиментовъ и оказываетъ столько любезности? Любовь къ истинѣ не позволитъ намъ пользоваться разными мелкими хитростями, неискренними приѣмами для привлеченiя ближнихъ въ свои сѣти. Только безусловная истина, полная искренность спасетъ насъ и другихъ, она внушитъ той и другой сторонѣ раскаянiе и сознание своихъ ошибокъ и заблужденiй. Истина сама по себѣ, хотя и непрiятная, должна не отдѣлять, а, напротивъ, соединять.

* * *

Другое оружье, стоящее наряду съ истиной и опирающееся на нее, есть любовь, милость. Истина и сама по себѣ, конечно, могущественна. Во 2-й книгѣ Ездры, которая у 70-ти числится даже среди каноническихъ писанiй, Зоровавель доказываетъ царю Дарiю, что истина сильнѣе всего на свѣтѣ. Она, конечно, соединяетъ. И всетаки для установленiя дружбы и сближенiя еще необходимѣе любовь. Можно быть въ согласiи относительно истины, но расходиться въ жизни. Недостатокъ любви легко ведетъ къ недостатку истины, между тѣмъ какъ любовь—другъ истины. Прежде всего недостатокъ любви раздѣляетъ Востокъ и Западъ въ теченiе цѣлыхъ вѣковъ. Обѣ стороны питали другъ къ другу ненависть, отвращенiе, которыя существуютъ и до сихъ поръ. Отвращенiе къ латинянамъ для многихъ восточныхъ составляетъ почти существенную часть семейныхъ традицiй. И столь же существенною частью традицiй для всѣхъ наро-

довъ Запада, даже для протестантовъ, является презрѣніе къ восточнымъ, отчужденіе, ненависть. Чтобы любить другъ друга, нужно научиться уважать другъ друга, проникнуться взаимными интересами.—Судьбы Востока были весьма несчастны; напасти, пережитыя имъ, безчисленны. Его, какъ впаваго въ разбойники, оставили полумертвымъ въ сторопѣ отъ дороги. И именно мы отвѣтственны за эти напасти, потому что мы предоставили его врагамъ его. Не нашлось ни одного самарянина, который сжалился бы надъ несчастнымъ, но за то достаточно священниковъ и левитовъ, которые прошли мимо, не обращая вниманія па его стоны и безпомощное положеніе. Задумывались ли мы надъ участію этихъ народовъ, ихъ исторической катастрофой? Никакія жалобы Іереміи не въ состояніи оплакать ея. Вотъ именно на что жалуются восточные. Ими интересуются исключительно съ точки зрѣнія религіозной: желаютъ подчинить ихъ Риму, вотъ и все. Если цѣль эта не достигается, отъ нихъ отвертываются; но никакой національной симпатіи къ нимъ не обнаруживаютъ. Ихъ интересы—не наши интересы. Прежде Западъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы ниспровергнуть власть мусульманъ. Позднѣе, даже послѣ паденія Константинополя, онъ иногда враждовалъ противъ турокъ, но не въ интересахъ восточныхъ христіанъ, законныхъ владѣльцевъ страны, а, напротивъ, всегда съ цѣлію подчинить ихъ себѣ и образовать латинскія княжества на Востокъ. Восточные такъ привыкли къ презрительному отношенію къ нимъ со стороны западныхъ, что часто можно встрѣтить грека, который бываетъ благодаренъ за малѣйшее проявленіе симпатіи, уже за то, что не слышитъ обычнаго по отношенію къ нему тона. Нужна любовь безъ заинтересованности, безъ предвзятой мысли. И эта любовь въ особенности должна проявляться между лицами духовными той и другой стороны. Я не хочу слишкомъ вдаваться въ подробности. Нельзя впередъ предписывать правилъ для обнаруженія любви. Любовь изобрѣтательна и сама найдетъ себѣ путь, если она искренна.

Вотъ два оружія, о которыхъ я хотѣлъ поговорить. Никто не можетъ оспаривать ихъ значенія. Нѣтъ другихъ, болѣе прекрасныхъ, болѣе надежныхъ. Истина въ любви и любовь

въ истинѣ побѣждаютъ всѣ затрудненія. Во время составленія этой статьи я читалъ въ моемъ молитвенникѣ прекрасныя слова св. Бернарда, въ которыхъ раскрывается почти та-же самая идея. Онъ изъясняетъ мѣсто Евангелія, гдѣ говорится, что свѣтильникъ тѣла есть око и что если око чисто, то и все тѣло свѣтло (Лук. XI, 34). „Простота душевнаго ока, говоритъ онъ: покоится на двухъ вещахъ: на любви въ желаніяхъ и на истинѣ въ выборѣ средствъ. Если любить то, что хорошо, и не выбираютъ того, что истинно, то имѣютъ ревность Божию, но не по разуму (Римл. X, 2). И я не знаю, какъ могла бы истинная простота существовать, по суду истины, вмѣстѣ съ лживостью. Какъ око можетъ быть истинно простымъ, если не знаютъ истины? Какъ можно воспріять истинную простоту, которой не знаетъ Богъ, простая Истина, ибо Онъ говоритъ: „Не уразумѣю того, кто не разумѣетъ“ (Кор. XVI, 38). И какъ простое око есть результатъ любви къ добру и познанія истины, такъ дурное око, напротивъ, есть результатъ слѣпоты, препятствующей познанію истины, и извращенности, заставляющей насъ любить порокъ“ (Трактатъ св. Бернарда о заповѣди и диспенсѣ).

Мои дорогіе братья восточные и западные, желаю вамъ всѣмъ имѣть это поистинѣ свѣтлое и простое око, состоящее изъ истины и любви. Тогда всѣ наши сужденія будутъ, истинны и справедливы; тогда свѣтъ распространится по всему тѣлу Церкви и христіанства. Что казалось темнымъ будетъ освѣщено. Если-бы весь міръ обладалъ этими двумя качествами и простымъ окомъ, какъ послѣдствіемъ ихъ, тогда вопросъ былъ бы рѣшенъ навсегда; онъ труденъ, но именно отъ недостатка у людей этихъ качествъ. Онъ легко разрѣшается и даже не будетъ нужды его разрѣшать съ того момента, какъ только будутъ царить между людьми любовь и истина. Помолимся же Господу Богу, Который есть высшая истина и вершина любви, чтобы Онъ сообщилъ намъ эти два качества, и не только этотъ вопросъ, но и всѣ вопросы въ мірѣ найдутъ должное и окончательное разрѣшеніе.

Максъ, принцъ Саксонскій.

По поводу статьи принца Макса Саксонскаго.

Статья принца Макса о соединеніи церкви православной и католической („Pensées sur la question de l'union des Eglises“) появилась на французскомъ языкѣ—въ ноябрьской книжкѣ католическаго журнала „Roma et Oriente“ (1910 г.). Журналъ этотъ издается въ Римѣ аббатомъ Arsenio Pellegrini, настоятелемъ извѣстнаго базилианскаго монастыря Grotta Ferrata, и имѣетъ цѣлю ознакомленіе католиковъ съ церковною и религіозною жизнію Востока. Статья сразу привлекла къ себѣ общее вниманіе, а въ Ватиканскихъ кругахъ вызвала большой переполохъ, что и не удивительно, такъ какъ она представляетъ собою не только безпощадное осужденіе всей политики Рима въ вопросъ объ униі, но и горячую апологию православія во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ, раздѣляющихъ его отъ папизма. Можно безъ преувеличенія сказать, что подъ статьей этой, за исключеніемъ развѣ двухъ—трехъ мыслей, смѣло можетъ подписаться любой православный богословъ. Между тѣмъ авторъ ея—вѣрный сынъ католической церкви, и не только католикъ, но и католическій священникъ, профессоръ католическаго богословія, не безызвѣстный католическій писатель, членъ Саксонскаго королевскаго дома, извѣстнаго своею преданностью католическимъ традиціямъ. Какъ же могло случиться столь рѣдкое явленіе, что ревностный католикъ заговорилъ въ пользу православія?

Принцъ Максъ уже въ 1896 году добровольно смѣнилъ одѣяніе герцога на простую сутану патера, а блескъ двора на скромную аудиторію провинціальнаго Университета (Фрейбургъ въ Швейцаріи). Уже 15 лѣтъ онъ всецѣло преданъ наукамъ и болѣе всего—изученію вопроса о соединеніи церквей. Вопросъ этотъ сдѣлался для него излюбленной идеей; рѣшенію его онъ придаетъ громадное значеніе: по его убѣжденію, православіе и католичество, заключивъ между собою истинную унию, легко справятся съ протестантствомъ, магометанствомъ, язычествомъ, и единая церковь Христова будетъ въ собственномъ смыслѣ вселенской, такъ какъ еѣ будетъ принадлежать вся вселенная. Къ счастью,—благодаря ли сравнительной независимости его какъ члена королевской семьи (онъ братъ Саксонскаго короля), или благодаря

свойствамъ его характера,—онъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ не пошелъ обычнымъ путемъ, избираемымъ его коллегами: онъ не ограничился католическими источниками, рассматривающими вопросъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и въ извѣстномъ тонѣ, но ознакомился и съ аргументаціей противной стороны; онъ неоднократно ѣздилъ въ Грецію, чтобы не только теоретически, но и на дѣлѣ изучить религіозную жизнь и, такъ сказать, духъ православнаго Востока и его отношеніе къ католическому Западу, неоднократно побывалъ въ уніатскихъ общинахъ въ Австріи, завелъ знакомство съ нѣкоторыми представителями восточной церкви, между прочимъ и съ русскими, поддерживаетъ съ ними переписку... Въ результатъ своихъ безпристрастныхъ и всестороннихъ научныхъ изслѣдованій онъ и пришелъ къ тѣмъ выводамъ, которые составляютъ содержаніе его статьи и которые едва ли можно встрѣтить въ другихъ католическихъ сочиненіяхъ объ уніи.

Прежде всего для принца Макса стало ясно, что православіе въ своемъ догматическомъ ученіи ни на іоту не отступило отъ ученія древней, нераздѣленной церкви и что поэтому,—разъ поставленъ вопросъ объ уніи,—то не оно, а католичество должно защищать свою позицію. Это онъ и дѣлаетъ самъ, приводя распространенное среди католиковъ мнѣніе ¹⁾, что католическіе догматы, появившіеся уже послѣ раздѣленія церкви и прешатствующіе единенію,—не новшества, не еретическія отступленія отъ вселенскаго ученія, каковыми признаютъ ихъ восточные христіане, а лишь „раскрытіе и точнѣйшее опредѣленіе“ ²⁾ того-же древне-христіанскаго ученія, „своего рода выводы изъ предпосылокъ, извѣстныхъ въ первые вѣка христіанства“ ³⁾. Но предчувствуя, очевидно, что такое объясненіе покажется восточнымъ христіанамъ нѣсколько рискованнымъ и, по меньшей мѣрѣ, искусственнымъ, онъ спѣшитъ завѣрить ихъ, что только цѣною такого соглашенія они могутъ кушить унію;

¹⁾ Раздѣляется ли это мнѣніе Ватиканомъ.— еще вопросъ.

²⁾ Ce ne sont que des développements et des précisions de l' ancienne doctrine.

³⁾ des espèces des conclusions tirées de promesses connues dans l' anti- quité' chretienne.

другого исхода нѣтъ; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, заставить католиковъ сразу отказаться отъ всѣхъ латинскихъ догматовъ, накопившихся за тысячу лѣтъ; притомъ православнымъ нѣтъ необходимости самимъ принимать теперь же этихъ догматовъ; достаточно, если они пока признаютъ ихъ *implicite*, и только впоследствии, когда созванъ будетъ вселенскій соборъ и когда этотъ соборъ утвердитъ латинскія повшества, они стануть обязательными для всей христіанской церкви.

Фактъ раздѣленія церковей католики привыкли ставить въ вину грекамъ, ихъ гордости, ихъ нежеланію подчиниться авторитету римскаго епископа. Максъ несогласенъ въ этомъ со своими единовѣрцами, упрекая ихъ въ одностороннемъ пониманіи историческихъ событій. По его мнѣнію, представители Запада того времени не менѣе отвѣтственны; онъ не щадитъ даже и обоихъ папъ, Николая I и Льва IX, обвиняя перваго въ надменности, послѣдняго въ грубости. Что же касается начавшихся сразу послѣ раздѣленія церковей и продолжающихся до сихъ поръ попытокъ со стороны Рима къ униі съ Востокомъ, то въ этомъ вопросѣ Максъ выступаетъ рѣзкимъ обличителемъ всей тысячелѣтней политики папизма, называя ее политикой насилія, и обмана. Римъ никогда искренно и не желалъ единенія христіанства ради самой идеи единенія, ради возстановленія единой Церкви Христовой на началахъ мира и любви; всегда и исключительно онъ добивался подчиненія (*soumission*) восточныхъ христіанъ подъ свое иго изъ цѣлей эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ. Флорентійскому и Лионскому соборамъ, а равно и современной униі Максъ не придаетъ никакого значенія, такъ какъ православные шли въ унию, гонимые горькою нуждой и обманутые лживыми увѣреніями. Съ такой системой Римъ долженъ разъ на всегда покончить, если онъ, дѣйствительно, искренно ищетъ единенія съ Востокомъ. Слѣдуетъ итти другимъ путемъ, путемъ истины и любви. Востокъ и Западъ должны ближе узнать другъ друга, должны научиться уважать и любить другъ друга; тогда обнаружится, что собственно раздѣленія въ вѣрѣ никогда и не было; были лишь холодныя, враждебныя отношенія, да разности въ богословскихъ формулахъ, — и, слѣдовательно, стоитъ лишь Западу отказаться отъ идеи подчиненія православія

Риму, а Востоку—отъ взгляда на латинскіе догматы, какъ на ересь,—и унію можно считать осуществившейся. Переходя къ самымъ вѣроисповѣднымъ разностямъ, принцъ Максъ останавливается на ученіи объ исхожденіи Св. Духа, о главенствѣ папы, о чистилищѣ, о моментѣ пресуществленія Даровъ на литургіи, о миропомазаніи. Во всѣхъ этихъ пунктахъ онъ выступаетъ рѣшительнымъ апологетомъ православія. Только относительно папы онъ—довольно туманно—выражается, что Востокъ долженъ признать какія-то особенныя права его въ рѣшеніи великихъ вопросовъ, касающихся вселенской церкви ¹⁾, да еще въ вопросѣ о пресуществленіи онъ признаетъ практику католической церкви болѣе древней, хотя не отрицаетъ законности и восточной практики. О догматѣ непогрѣшимости папы онъ почему-то совсѣмъ не упоминаетъ,—можетъ быть, потому, что этотъ догматъ труднѣе подвести подъ теорію „раскрытія и опредѣленія“.

Хотя съ нѣкоторыми разсужденіями принца Макса и нельзя согласиться, но въ общемъ статья его представляетъ собою, несомнѣнно, весьма отрадное явленіе, особенно если принять во вниманіе доселѣ господствующее среди католиковъ презрительное отношеніе къ православію и малое знакомство ихъ съ жизнью православнаго Востока. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ привѣтствовать смѣлое выступленіе Саксонскаго принца, что онъ не одинокъ въ своихъ убѣжденіяхъ; недовольство политикой Ватикана, по отношенію къ Востоку, проявившееся въ его статьѣ, пустило глубокіе корни въ современномъ католическомъ обществѣ, особенно въ средѣ молодыхъ ученыхъ богослововъ; но желѣзная дисциплина католичества сдерживаетъ ихъ и заставляетъ молчать. Эта желѣзная дисциплина сыграла свою роль и въ дѣлѣ принца Макса. Къ сожалѣнію, о томъ, что произошло послѣ появленія статьи, приходится судить большею частію по газетнымъ сообщеніямъ, которыя могутъ быть и не вполне точны.

Первымъ шагомъ Ватикана было изытія изъ продажи ноябрьской книжки *Roma et Oriente*: осталось лишь немного

1) „decisions dans les grandes affaires qui regardent toute la chrétiente“; въ другомъ мѣстѣ говорить о папѣ: „il n'exerçait point de juridiction directe sur les diocèses de l'Orient, mais exerçait indirectement une influence sur eux, lorsqu'il s'occupait des affaires de l'Eglise universelle“.

экземпляровъ въ частныхъ рукахъ, такъ что текстъ статьи достать теперь довольно трудно. Далѣе, аббатъ Пеллегрини, очевидно, по приказанію свѣше, помѣстилъ въ официальномъ католическомъ органѣ „L' Osservatore Romano“ (№ 345 отъ 15 Декабря 1910 г.) замѣтку подъ заглавіемъ: „A proposito di una pubblicazione“, въ которой протестуетъ противъ догматическихъ и историческихъ ошибокъ, допущенныхъ принцемъ Максомъ, общаетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Roma el Oriente напечатать подробное опроверженіе и слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за появленіе статьи—на томъ основаніи, что будто бы, согласно программѣ журнала, авторы сами отвѣчаютъ за свои статьи. Опроверженіе, дѣйствительно, появилось, а вскорѣ за нимъ и папская энциклика по тому же поводу, обращенная къ восточнымъ католическимъ епископамъ; но объ этихъ интересныхъ документахъ побесѣдуемъ въ другой разъ.

Что касается самого принца Макса, то съ нимъ, какъ съ членомъ Саксонской королевской семьи, неудобно было поступать очень строго. Между Ватиканомъ и Саксонскимъ правительствомъ и безъ того были довольно натянутыя отношенія,—между прочимъ, изъ-за „Борромеевской“ буллы, рѣзкія выраженія которой противъ протестантовъ были крайне неприятны Саксонскому королю, хотя и католику по вѣрѣ, но правителю почти сплошь протестантской страны. Поэтому ограничились вызовомъ Макса въ Римъ для объясненій. Что именно произошло здѣсь, едва ли когда будетъ извѣстно въ точности. Газеты передаютъ, что Максу сразу по пріѣздѣ представили для подписи готовое уже опроверженіе его ересей и онъ будто бы подписалъ,—по однимъ свѣдѣніямъ, безпрекословно, по другимъ,—лишь послѣ долгаго раздумья и протестовъ. Послѣ этого его допустили къ аудіенціи у папы. Максъ будто бы со слезами на глазахъ умолялъ свѣтѣйшаго отца простить ему за причиненную его статьей скорбь и смуту, а тотъ будто бы милостиво принялъ раскаявшагося грѣшника, увѣщевалъ быть впередъ благоразумнѣй и съ миромъ отпустилъ обратно во Фрейбургъ. Другими словами, выходитъ, что принцъ Максъ, такъ смѣло обнародовавшій свои убѣжденія, къ которымъ онъ пришелъ путемъ долготѣльныхъ изслѣдованій и, вѣроятно, немалой душевной борьбы, и такъ много и горячо говорившій о

любви къ истинѣ, объ искренности, сразу же въ минуту опасности отрекся отъ своихъ словъ и, слѣдовательно, поставилъ крестъ на всей своей, столь благотворной работѣ. Это было бы, конечно, очень печально. Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что упомянутыя свѣдѣнія, идущія, можетъ быть, отъ самого Ватикана, нѣсколько преувеличены. Такъ, самъ принцъ Максъ въ письмѣ къ прот. А. П. Мальцеву говоритъ, между прочимъ: „Изъ-за известной статьи я испыталъ въ послѣднее время невыразимо много горя. Кой-что въ ней неправильно истолковано въ Римѣ. Что касается Церкви, то я, конечно, какъ искренній католикъ, долженъ былъ подчиниться суду римскаго престола; другое дѣло—въ отношеніи историческихъ вопросовъ ¹⁾. Болѣе всего меня смущаетъ не осужденіе, или исчезновеніе, или гибель моей собственной личности, — лишь бы Царство Божіе росло и цвѣло,—а то обстоятельство, что папское посланіе, по всей вѣроятности вызоветъ сильное огорченіе и отчужденіе въ православномъ восточномъ мірѣ.... Да удостоить же Господь Своею милостію мое пронзенное горемъ и смертною язвою уязвленное сердце и да вознизпослетъ Онъ мнѣ чрезъ то душевный покой!“... Такимъ образомъ, судя по этому письму, полнаго отреченія въ Римѣ не было, хотя не совсѣмъ понятно, чему именно принцъ Максъ остался вѣренъ и отъ чего отказался. Не совсѣмъ понятны также и жалобы на испытанное имъ тяжкое горе: неужели принцъ Максъ, помѣщая свою сенсационную, расходящуюся со всѣми принципами Ватикана статью въ журналѣ, выходящемъ въ центрѣ католическаго міра, и подписавшій эту статью своимъ полнымъ именемъ, — неужели принцъ Максъ думалъ, что это не будетъ имѣть для него никакихъ послѣдствій? Напротивъ, кажется, только высокому общественному положенію своему и уступчивости своего характера онъ обязанъ тѣмъ, что дѣло обошлось сравнительно безъ осложненій.

Свящ. Н. Сахаровъ.

Берлинъ, 25-го января 1911 года.

1) Etwas ganz anderes ist das, was die historische Frage betrifft.